

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-78-89

УДК 94(5)	Содержание статьи	Информация о статье
<i>А.Ф. Поломошнов</i> ¹ <i>П.А. Поломошнов</i> ²	Введение Ислам и кризис гражданской идентичности в условиях радикальных реформ Баланс патриотизма и интернационализма в превращенной форме псевдоисламского экстремизма Традиционный ислам и российский патриотизм Заключение	Поступила в редакцию: 20.04.2023 Передана на рецензию: 25.04.2023 Получена рецензия: 14.05.2023 Принята в номер: 29.06.2023

Актуализация патриотизма в российском исламе

¹ *Донской государственной аграрный университет; raf1@mail.ru;*

² *Ростовский государственный экономический университет; _platon_@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется баланс исламской идентичности и патриотизма в российском исламе в контексте современной геополитической ситуации. Установлена противоположность интерпретации этого баланса в исламском экстремизме и в российском традиционном исламе. Обоснован конструктивный баланс региональной исламской и общероссийской гражданской идентичности в регионах с доминированием ислама, в особенности на Северном Кавказе. Проанализированы проблемы в обеспечении эффективного баланса исламской идентичности и российского гражданского патриотизма в мусульманских регионах России. Доказывается, что преодоление российским обществом негативных последствий либеральных реформ, эффективное решение острых социальных и политических проблем (бедности, социального неравенства, экономической деградации, безработицы, коррупции и др.) позволят полностью справиться с относительной, частичной разбалансировкой исламской идентичности и российского гражданского патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, интернационализм, исламский экстремизм, традиционный ислам, исламская идентичность.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-78-89

UDC 94(5)	Content of the article	Information about the article
<i>A.F. Polomoshnov</i> ³ <i>P.A. Polomoshnov</i> ⁴	Introduction. Islam and the crisis of civic identity in the context of radical reforms. The balance of patriotism and internationalism in the transformed form	Received: 20.04.2023 Submitted for review: 25.04.2023 Review received: 14.05.2023 Accepted for publication: 29.06.2023

¹ *[Андрей Федорович Поломошнов](#)* – профессор кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета, д. филос. н.

² *[Платон Андреевич Поломошнов](#)* – доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета, к. филос. н.

³ *[Andrey Fedorovich Polomoshnov](#)* – Dr. Sc. (Philosophy), professor at the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University.

⁴ *[Platon Andreevich Polomoshnov](#)* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics.

of pseudo-Islamic extremism.
Traditional Islam and Russian patriotism.
Conclusion.

Actualization of Civil Patriotism in Russian Islam

¹ *Don State Agrarian University; paf1@mail.ru;*

² *Rostov State University of Economics; _platon_@list.ru*

Abstract. The article analyzes the balance of Islamic identity and patriotism in Russian Islam in the context of the current geopolitical situation. The contrast of opinions in the interpretation of this balance in Islamic extremism and in Russian traditional Islam is established. The constructive balance of regional Islamic and all-Russian civic identity in the regions with the dominance of Islam, especially in the North Caucasus, is substantiated. The problems in ensuring an effective balance of Islamic identity and Russian civil patriotism in the Muslim regions of Russia are analyzed. It is proved that overcoming the negative consequences of liberal reforms by the Russian society, the effective solution of acute social and political problems, such as poverty, social inequality, economic degradation, unemployment, corruption, etc. will completely solve the problem of a relative partial imbalance of Islamic identity and Russian civic patriotism.

Keywords: patriotism, internationalism, Islamic extremism, traditional Islam, Islamic identity.

Введение

С 2022 года геополитическая борьба Запада и России перешла в острую стадию прямого военного конфликта в форме СВО России на Украине. Многие эксперты расценивают СВО как прокси-войну России и коллективного Запада. Действительно, этот конфликт имеет все признаки прокси-войны. Автор этого термина К. Дойч определял прокси-войну как «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [21, с. 13]. Как прокси-войну России и НАТО оценивает СВО и член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош: «Развитие региональной прокси-войны таит в себе угрозу перерастания военного конфликта в крупное военное столкновение. Отказ США и НАТО от правовых гарантий безопасности России, сопровождающийся введением незаконных санкций, внешним противодействием специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, поставками оружия, предоставлением разведывательной информации на фоне явной неадекватности правящих элит Киева, повышает вероятность возникновения крупного конфликта по злему умыслу или по ошибке из-за неправильной интерпретации намерений одной из сторон» [2]. Полковник запаса, старший научный сотрудник института философии НАН Беларуси Александр Тиханский в беседе с В. Крапоткиным прямо сказал: «Идет прокси-война, то есть западная коалиция против нас ведет борьбу через Украину» [14].

И.В. Федосеева и Н.С. Федосеев указывают признаки гибридной войны США и НАТО против России:

- диффузный (гибридный) характер военного конфликта, в котором используются все известные неядерные средства и методы войны, включая технологии «цветных революций» в качестве катализатора операций с целью ускорения развала государства...;
- опосредованный характер конфликта за счет использования стратегии войны

«чужими руками» или прокси-войны в качестве инструмента, позволяющего замаскировать государство-агрессора [15, с. 293–294].

Этот конфликт, перешедший в острую стадию военного противостояния, носит принципиальный, экзистенциальный характер с обеих сторон. Запад руками Украины, взяв ее на полное военное и экономическое обеспечение, борется с Россией за сохранение своего мирового господства и в конечном счете за уничтожение и политическое расчленение России, или как минимум за ее геополитическое ослабление. Россия сражается за национальную независимость, за свободное и равноправное существование в современном мире, практически за самосохранение, за жизнь, и в том числе за новый многополярный мировой порядок. «В современной геополитической ситуации вопрос стоит чрезвычайно остро: либо планетарный «новый мировой порядок» под руководством США, где все государства и народы будут безличными и послушными «винтиками» мондиалистской технократической, атеистической-торгашеской «дисней-лэндовской» космополитической модели, либо немедленное создание геополитической оппозиции атлантизму и мондиализму и организация потенциально антимондиалистских, традиционных и почвенных народов и государств в альтернативный блок (или в несколько блоков)» [4, с. 23].

Современный российский ислам как вторая по численности конфессиональная общность России в контексте этой борьбы четко определил свою позицию. Практически все духовные управления мусульман в России, в особенности ЦДУМ, ясно обозначили свою патриотическую позицию по отношению к СВО. Так, в обращении лидеров мусульманских организаций, принятом 16 марта 2022 г., сказано: «Сегодня много мусульман из разных регионов России в составе наших Вооруженных сил обеспечивают мир, безопасность и благополучие людей на Донбассе. В этот день мы отдаем дань глубокого уважения нашим мужественным соотечественникам, которые в тяжелые моменты ставят интересы людей выше собственных... Мы, представители основных религиозных мусульманских организаций России, хотим выразить поддержку руководству своей страны и полностью одобряем концепцию военной доктрины России как оборонительную» [10].

Верховный муфтий России Талгат Таджуддин в изданной 25 марта 2022 г. фетве, ссылаясь на аяты Корана и Сунну Пророка, приравнял «павших при участии в боевых действиях в составе Вооруженных сил России, в т. ч. в ходе специальной вооруженной операции по защите Донбасса и на Украине» к шахидам (мученикам) [11]. Также Т. Таджуддин в проповеди в честь праздника «Ураза-Байрам» в мечети «Ляля-Тюльпан» в Уфе в апреле 2023 г. сказал: «В эти благословенные дни завершения Поста мы молим Вседержителя о всех наших воинах, надежных защитниках нашего единого Отечества, в особенности о тех, кто исполняет свой священный долг перед Родиной во время проведения специальной военной операции для защиты мирного населения, демилитаризации и устранения угрозы возрождения нацизма в этом многострадальном крае» [9].

В любом военном противоборстве чрезвычайную актуальность приобретает тема патриотизма населения как одного из решающих факторов мобилизации общества для победы. Для характеристики позиции мусульманского населения России по отношению к современной борьбе с коллективным Западом и украинским фашизмом необходимо проанализировать баланс интернационализма и патриотизма в российском исламе в контексте современной ситуации.

Ислам и кризис гражданской идентичности в условиях радикальных реформ

Сложившийся в традиционном исламе баланс интернационализма и патриотизма

претерпевал различные исторические метаморфозы. Однако в России как уникальном типе поликонфессиональной и полиэтнической цивилизации никогда не было системных этнических и конфессиональных принуждений и насилий, тем более религиозных войн. Напротив, здесь существовали относительная свобода вероисповедания и свобода этнического развития народов. Конечно, в дореволюционной России власть отдавала приоритет православию и ограничивала другие религии, в том числе ислам. Иногда предпринимались попытки принудить исламское население к переходу в православие. В советский период все религии подвергались одинаковым преследованиям и гонениям. Но в целом российская цивилизация была территорией религиозного межконфессионального мира.

Современный баланс интернационализма и патриотизма в российском мусульманском сообществе невозможно понять вне контекста воздействия либерально-рыночных реформ 90-х годов на религиозную и гражданскую идентичность мусульманского населения России. Духовную ситуацию в российских регионах, где высока доля мусульманского населения (на Северном Кавказе, в Поволжье и Южном Урале [7]), характеризовали четыре основных процесса. Прежде всего это моментальный крах, уход из массового сознания формально доминировавшей государственной советской атеистической идеологии. Второй процесс связан с неудачной и деструктивной попыткой реформаторов заменить отвергнутую советскую идеологию деструктивной и аморфной идеологией толерантности, общечеловеческих ценностей и западного либерализма, которая на российской почве потерпела в конечном счете неудачу. Однако эта попытка «...заместить патриотизм мифическими «общечеловеческими ценностями» и бесхребетной, неограниченной толерантностью нанесла тем не менее серьезный ущерб патриотическому сознанию российского общества. Немалый урон отечественному патриотизму нанес и отказ государства от национальной идеологии, приведший к до конца не преодоленному и сегодня острому кризису национальной идентичности» [13, с. 178]. Этот ущерб связан с тем, что часть российского общества, особенно молодежь, все-таки оказалась под влиянием западнической идеологии. Особенно большую опасность представляет та часть российской политической, экономической, культурной, педагогической элиты, которая придерживается западнических ценностей и всеми способами пытается реализовывать свои прозападнические ориентации даже в современных условиях конфликта с Западом.

Образовавшуюся духовную пустоту стал заполнять активно возрождающийся ислам. Третий процесс стал доминирующим фактором формирования новой постреформенной идентичности населения мусульманских регионов России, особенно тех, где мусульманское население составляло большинство. Четвертый процесс связан с тем, что на почве социокультурного шока населения от резких и быстрых негативных экономических последствий реформ в возрождающемся российском исламе быстро возникли тенденции радикализации и политизации, активно стимулируемые западными спецслужбами и иностранными радикальными экстремистами.

Социальными факторами, обусловившими радикализацию и политизацию ислама в исламских регионах России, стали резкое падение уровня жизни населения, массовая безработица, гигантская социальная поляризация общества, деградация систем социальной поддержки государством населения, региональный политический сепаратизм части политической элиты местных территорий, формирование депрессивной криминально-клановой экономической системы, гигантский рост коррупции и др.

Таким образом, в условиях кризиса идентичности, выразившегося в четырех основных процессах, российское население, в том числе и мусульманское, оказалось в

ситуации мировоззренческой идеологической неопределенности и необходимости выбора новой адекватной исторической реальности. «Многообразие идентичностей – российская (гражданская), региональная (республиканская), этническая, религиозная, космополитическая и др. – создает непростую ситуацию выбора в условиях кризиса идентичностей» [1, с. 91–92].

Мусульманское население России, возвращаясь к искусственно прерванной в советский период духовной традиции исламской идентичности, в основной своей массе сделало выбор в пользу традиционного ислама. Однако определенная часть оказалась под влиянием псевдоисламского экстремизма, который использовал извращение вероучения и духовной практики ислама для маскировки чуждого духу истинного ислама антироссийского политического экстремизма и терроризма.

Реформы 90-х годов, их негативные последствия, общий духовный кризис российского общества привели к частичной относительной разбалансировке гармонического синтеза исламского интернационализма и российского патриотизма в исламских регионах России, особенно на Северном Кавказе. По поводу распространенного в дискурсе термина «исламский экстремизм» необходимо уточнить, что на самом деле экстремизм и терроризм глубоко чужды сущности ислама. М.Я. Яхьяев рассматривает этот и ему подобные термины как обозначения «превращенных форм исламского феномена». «Преобразованная форма исламского феномена – это форма существования исламского явления, в котором подлинно исламское содержание вытеснено и искажено до неузнаваемости. В ней исходные, собственно, исламские звенья «сжаты» в особое состояние, породившее новое качество, новую, не связанную с исламом действительность. Наиболее распространенным в современном мире превращенным формам исламских явлений можно отнести «джихадизм», «шахидизм», «женский шахидизм», «подростковый шахидизм», «исламское мученичество», «исланизм», «халифат», «исламский экстремизм», «исламский терроризм» и пр. Но в силу того, что они возникли на основе конкретных исламских явлений и сохраняют свое внешнее сходство с исламом, они продолжают представляться оппонентами религии и отражаются в массовом сознании не иначе как исключительно исламские явления» [20, с. 162–163].

Не преминули инициировать и всячески стимулировать этот всплеск деструктивного псевдоисламского ложного интернационализма западные спецслужбы для ослабления России. Однако острый и опасный взрыв псевдо-исламского экстремизма и радикализма был преодолен. Хотя относительная разбалансировка многоуровневой идентичности в мусульманских регионах России существует и сегодня.

Современный российский ислам разделяется на два направления: 1) социально конструктивный, доминирующий, официальный традиционный ислам и 2) деструктивный, маргинальный, подпольный псевдоисламский экстремизм как «превращенная форма», в которой исламское содержание извращено до противоположности, а сам термин «исламский» служит лишь маскировкой деструктивной идеологии и практики терроризма и экстремизма. Правда, Ярлыкапов А.А. и Адиев А.З. отмечают неоднородность, мозаичность этих двух направлений. Они пишут о том, что «единой формы «традиционного» ислама на Северном Кавказе нет, регион издавна отличается большим разнообразием течений и групп: суннитов-ханафитов, шафиитов, разных суфийских братств, шиитов-имамитов – все имеют право считаться традиционными, и никто в отдельности не может претендовать на абсолютный приоритет в регионе» [17, с. 71].

Мозаичность характерна и для экстремистских форм псевдоислама на Северном Кавказе. «Среди салафитских групп распространен самый широкий спектр интерпретаций ислама, что ведет к активному дроблению этого движения. Здесь и молодежные джамааты

(общины), и «безмазхабники» (которые не следуют ни одному из четырех основных толков ортодоксального ислама), и мадхалиты (умеренные салафиты, сторонники сотрудничества с властью), и так называемые «ихванизированные» салафиты (от араб. «ихван аль-муслимин», т. е. «Братья-мусульмане») [17, с. 66].

В условиях военного экзистенциального противостояния российской и западной цивилизаций борьба этих двух направлений имеет большое значение, т. к. связана с формированием идентичности и отношения к этой войне мусульманского населения России.

Баланс патриотизма и интернационализма в превращенной форме псевдоисламского экстремизма

Превращенные экстремистские формы ислама возникли в российском обществе, в т. ч. и на Северном Кавказе, не без причин. М.Я. Яхьяев и Султанахмедова З.Г. выделяют в качестве базовых целый комплекс социально-экономических факторов: «1) длительный системный экономический кризис, вызванный тем, что переход России к современной рыночной постиндустриальной экономике оказался весьма проблематичным; 2) огромная социальная дифференциация и поляризация общества, разделение его на небольшую группу сверхбогатых и основную массу бедного или нищего населения, живущего на грани физического выживания; 3) застойная бедность, нищета, низкий уровень жизни основной части населения; 4) рост доли маргинализированных и люмпенизированных слоев населения; 5) усиление социальных противоречий и рост социальной напряженности» [18, с. 8–9].

В экстремистском псевдоисламе произошла радикальная трансформация, полное извращение до противоположности аутентичного исламского баланса интернационализма и патриотизма. Духовное братство и культурное родство мусульман было замещено, а точнее, подчинено идеям создания исламского северокавказского халифата, основанного на химере псевдо-исламского ультранационализма. Была декларирована ничем не спровоцированная священная война против иноверцев, причем самыми жесткими военными и экстремистскими методами. Был взят курс на отрицание интеграции мусульман в российское цивилизационное сообщество и агрессивную русофобию. Были отвергнуты традиционные для ислама мир и межконфессиональное сотрудничество. В угоду искаженному политизированному религиозному интернационализму был отвергнут не только общероссийский, но местный национальный патриотизм. Все это превратило псевдоисламский экстремизм в идеологическое оружие разрушения традиционного гуманистического ислама, а главное, привело к дезинтеграции Северного Кавказа из состава российской цивилизации.

Впрочем, идеи псевдоисламского экстремизма в значительной степени стали не плодом духовной эволюции местного традиционного ислама, а результатом импорта в Россию идеологии международного экстремизма. М.Я. Яхьяев подчеркивает, что агрессивный псевдоисламский экстремизм «...как способ социальной активности является всего лишь иллюзорной, утопической, разрушительной формой деятельности, не улучшающей социальное или политическое положение тех или иных групп людей и сил, а только направляющей, канализирующей в ложное, деструктивное русло их стихийную, спонтанную агрессию» [19, с. 33]. К этому можно добавить, что отрицание российского патриотизма, замещение его искаженным «исламским братством» экстремистов подрывает социальную и политическую стабильность на Северном Кавказе, препятствует мобилизации общества в борьбе с западной агрессией. В псевдоисламском экстремизме

политизированный и дегуманизированный интернационализм стал непримиримым антиподом как местного, так и общероссийского гражданского патриотизма, что полностью противоречит принципам подлинного ислама в сфере межэтнических отношений.

Традиционный ислам и российский патриотизм

В отличие от религиозного экстремизма, в доминирующем традиционном российском исламе в целом сохранилась, хотя и была временно ослаблена и до сих пор полностью не восстановилась, аутентичная гуманистическая балансировка интернационализма и патриотизма, в соответствии с которой духовный и культурный интернационализм вполне эффективно интегрируется с российским патриотизмом. Надежной базой этой интеграции являются специфические социокультурные особенности России как поликонфессиональной и полиэтнической цивилизации, на базе которой исторически сформирована и реализуется сегодня гармоничная многоуровневая идентичность мусульманской общины. Характеризуя структуру многоуровневой идентичности, З.А. Жаде выделяет четыре последовательно интегрирующихся уровня: «этнический», «региональный», «геополитический» и «цивилизационный». Особую приоритетную роль она отводит геополитической идентичности. «Геополитическая идентичность представляет собой ключевой элемент конструирования социально-политического пространства, который проявляется в самобытности той или иной страны и ее народа, а также связанных с этими представлениями о месте и роли страны в глобализирующемся пространстве. Идентичность тесно соединена с государственностью, ее характером и самоощущением нации» [5].

В данной модели речь идет об уровнях гражданско-политической идентичности. Все эти четыре формы идентичности образуют восходящее движение идентичности от местной локальной к глобальной цивилизационной. Гурбанов Э.А.-О. и Поломошнов А.Ф. выделяют формы идентичности по субъектам: «В зависимости от субъекта идентичности можно выделить следующие ее уровни: личностная, микросоциальная (в малых группах), макросоциальная (в больших социальных группах), мезосоциальная (социально-исторические организмы), мегасоциальная (цивилизационные группы социоров)» [3, с. 22]. Они также поднимают проблему взаимодействия общецивилизационной и локальной идентичности, характерную для полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций. «Как же соотносятся идентичность локальной цивилизации и отдельного включенного в эту цивилизацию социора? Очевидно, что идентичность отдельного включенного в нее социора (инфрасоциора) является продуктом сложного опосредования, взаимодействия общецивилизационной идентичности и местной, региональной инфрасоциальной идентичности» [3, с. 24].

Однако во всех этих конструкциях многоуровневой идентичности не уточняются место и роль религиозной идентичности населения. Поэтому необходимо сделать соответствующее уточнение. Ислам, как мировая религия с точки зрения субъектов идентичности проявляется на всех уровнях этих субъектов. С точки зрения гуманистического интернационализма ислам также реализуется на всех уровнях идентичности, обозначенных З. Жаде, образуя на каждом из них один из ключевых элементов социокультурной и духовной интеграции мусульманского сообщества в общее цивилизационное пространство России. Вследствие этой интеграции религиозный исламский интернационализм в его адекватной гуманистической интерпретации совместим как с региональным, так и с российским цивилизационным патриотизмом. Мусульманский религиозный интернационализм не только не противоречит российскому патриотизму, а эффективно интегрируется с ним. Именно поэтому истинные патриоты России, как

православные, так и мусульмане, стоят вместе в первых рядах бойцов СВО, защищая общую Родину.

Большинство российских мусульман понимает, что, только сохранив Россию как самобытную полиэтническую и поликонфессиональную цивилизацию, можно сберечь и собственную самобытность. «В обществе формируется понимание того, что развитие нашей страны возможно только с опорой на духовные ценности и традиции народов России и Дагестана. В рамках государственно-конфессионального диалога создаются условия для максимальной реализации патриотического потенциала традиционных российских религий. Связь всех этих процессов с изменениями в патриотическом сознании граждан весьма очевидна» [16, с. 58].

Сегодня в России нет конфессиональной вражды. Именно этой межконфессиональный мир и сотрудничество являются важными факторами жизнеспособности российской цивилизации. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» по этому поводу четко сказано:

«6. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию. 7. Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [12].

Народы России, опираясь на свой исторический опыт, пришли к тому, что именно Российская цивилизационная общность, в которую гармонически интегрируется этническое и конфессиональное многообразие, обеспечивает им наилучшие условия для развития и процветания. Независимая и сильная Россия является гарантом этого процветания.

Безусловно, пока еще нельзя говорить о том, что все проблемы в обеспечении эффективного баланса интернационализма и патриотизма в мусульманских регионах России до конца решены. Они есть и сегодня. До конца не преодолены негативные последствия либеральных реформ, не восстановлен экономический потенциал российской экономики и социальный потенциал российского общества. Можно полностью согласиться с А.В. Кузьминым и Ю.Н. Трифоновым, которые пишут: «Несомненно, что на уровень патриотизма граждан влияет социальный контекст. В этом смысле искажённые формы патриотического сознания порождаются социально-экономическими, политико-идеологическими, религиозными, мировоззренческими, правовыми, нравственными и иными причинами и факторами. Особо же следует подчеркнуть, что различного рода антиподы патриотизма возникают под воздействием политических и идеологических факторов» [8, с. 155].

В контексте проблемы относительной разбалансировки исламского религиозного интернационализма и российского патриотизма представляет интерес социологическое исследование, проведенное З.М. Абдулагатовым в 2019 и 2021 гг. в Республике Дагестан. Несмотря на ряд существенных негативных моментов, большинство опрошенных продемонстрировали достаточно высокий уровень общероссийского патриотизма. Это тем более важно, что в Республике Дагестан факторы, ослабляющие и подрывающие

общероссийский патриотизм, по мнению З.М. Абдулагатова, выражены в наибольшей степени. «Дагестан – республика с депрессивной экономикой. Бюджет республики в последние десятилетия является дотационным на 75–80 %. В республике с 90-х годов прошлого века стабильно высокий уровень безработицы. В отдельных горных районах с высокими показателями экстремизма безработица превышала 50 % трудоспособного населения. В республике высокий уровень коррупции» [1, с. 94].

Традиционный ислам никем из участников опроса не был обозначен как фактор, ослабляющий общероссийский патриотизм. Мусульманские религиозные организации, ориентирующиеся на традиционный ислам, придерживаются политики межконфессионального мира и сотрудничества в общих интересах многонационального российского народа и государства и воспитания у верующих не только гуманистической традиционной исламской идентичности, но и гармонически интегрированного с ней общероссийского патриотизма.

Ряд существенных проблем в формировании российского патриотизма выявили социологические исследования А.А.-Дж. Койчуева, проведенные в 2009–2010 гг. в четырех республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Чечне и Дагестане). «Согласно результатам проведенного нами опроса, более 75 % молодых мусульман (КЧР, КБР, РИ, ЧР, РД) принимают на себя ответственность (в какой-либо мере) за будущее страны (Российской Федерации) в целом и готовы к выполнению своего гражданского долга (согласно записям в анкетах: «защитить Россию», «трудиться во благо всего общества», «быть полезным в обществе»). Вместе с тем около 95 % опрошенных по разным причинам не чувствуют себя полноправными гражданами, ощущают себя «гражданами второго сорта»... Гораздо труднее любить Россию и считать себя в ответе за ее будущее, чувствуя себя ее пасынком» [6, с. 45].

В формировании и укреплении конструктивного баланса российского патриотизма и исламского братства на Северном Кавказе важнейшую роль играет грамотная политика государства, а также руководителей исламских организаций. Эта политика должна быть гибкой и скоординированной, нацеленной на конструктивное сотрудничество власти и исламских организаций. «Важным компонентом современных государственно-конфессиональных отношений становятся совместные усилия властных структур и религиозных авторитетов (не только представителей республиканских муфтиятов, но и приверженцев идей салафизма) в противодействии идеологии экстремизма и терроризма» [17, с. 71]. Важна не только скоординированная борьба с экстремизмом, использующим «превращенные формы ислама», но и сотрудничество в воспитании молодежи на принципах сочетания исламской идентичности и российского патриотизма. «Государству в этих условиях важно найти правильные формы взаимодействия с исламскими сообществами, не допуская маргинализации тех или иных конфессиональных групп. Это сотрудничество государства с исламскими религиозными объединениями на Северном Кавказе должно быть взаимовыгодным и не только не конфронтационным, а прямо направленным на укрепление мира» [17, с. 72].

В целом можно сказать, что преодоление российским обществом негативных последствий либеральных реформ, эффективное решение острых социальных и политических проблем (бедности, социального неравенства, экономической деградации, безработицы, коррупции и др.) позволят полностью справиться с относительной, частичной разбалансировкой исламского интернационализма и российского патриотизма.

Заключение

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Духовно-идеологический интернационализм ислама может и должен гармонично сочетаться с национальным и общероссийским патриотизмом мусульман, образуя гармоничную структуру многоуровневой идентичности российского мусульманина. На этой основе мусульмане, как и представители других ведущих конфессий России, должны объединиться против тех, кто использует религию в политических целях, стараясь внести разобщенность и посеять вражду между народами.

2. Сегодня всей России, как братской семье народов, полиэтнической и поликонфессиональной цивилизации, брошен экзистенциальный вызов агрессивного глобализма в лице стремящейся к мировому господству западной цивилизации. Перед лицом этой агрессии все граждане России, независимо от их конфессиональной принадлежности и отношения к религии, должны сплотиться и всеми силами защищать общую Родину – Россию.

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Региональные проблемы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // Региональные аспекты социальной политики. 2021. № 23. – С. 91–102.

2. *Бартош А.А.* Война чужими руками. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/realty/2022-03-24/8_1182_conflict.html

3. *Гурбанов Э.А.-О., Поломошнов А.Ф.* Северный Кавказ в российском социокультурном пространстве. – Пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2013. – 198 с.

4. *Дугин А.Г.* Геополитика. – М.: Академический проект, 2014. – 585 с.

5. *Жаде З.А.* Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. – М., 2007. – Режим доступа: http://delist.ru/article/15062007_zhadeza/page9.html

6. *Койчуев А.А.-Дж.* К проблеме исследования гражданственности и патриотизма мусульманской молодежи на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. № 1 (7). – С. 39–46.

7. Конфессиональный состав населения. Религии народов России. – Режим доступа: <https://geographyofrussia.com/konfessionalnyj-sostav-naseleniya-religii-narodov-rossii/>

8. *Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н.* Патриотизм и антипатриотизм как диалектические противоположности // Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ. 2018. № 10. – С. 150–160.

9. Мусульмане России молятся за участников военной спецоперации. – Верховный муфтий. – Режим доступа: <https://cdum.ru/news/43/11581/> (дата обращения: 28.05.2023).

10. Обращение лидеров мусульманских религиозных организаций 16.03.2022. – Режим доступа: <https://kavtoday.ru/article/6855>.

11. Обращение медреса ЦДУМ России. – Режим доступа: <https://www.cdum.ru/news/44/11265/>.

12. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/-ipro/prime/doc/405579061/>

13. *Поломошнов А.Ф.* Патриотическое воспитание в системе образования // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2022. № 4. – С. 178–187.

14. *Тиханский А.* Запад на Украине ведет прокси-войну против Беларуси и России. –

Режим доступа: https://eurasia.expert/zapad-na-ukraine-vedet-proksi-voynu-protiv-belarusi-i-rossii-voennyu-ekspert/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru

15. Федосеева И.В., Федосеев Н.С. Гибридная война и ее деструктивное влияние на личность военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации // Специальная техника и технологии транспорта. 2022. № 16. – С. 289–299.

16. Халимбекова М.Х. Религиозное в культуре патриотизма // Известия Дагестанского государственного педагогического университета: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 4 (17). – С. 54–58.

17. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. – С. 59–74.

18. Яхьяев М.Я., Султанахмедова З.Г. Институализация исламского экстремизма // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 3 (33). – С. 5–12.

19. Яхьяев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 3 (29). – С. 26–39.

20. Яхьяев М.Я. Особенности экстремистских превращений религиозных идеологий // Религиозный фактор и его роль в общественно-политической сфере общества: реальность и перспективы; сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2022. – С. 161–170.

21. Mumford A. Proxy Warfare. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 180 p.

References

1. Abdulagatov Z.M. Regional Problems of Russian Patriotism (Through the Example of the Republic of Dagestan). *Regional Aspects of Social Policy*. 2021. no. 23. – Pp. 91–102. (in Russian)

2. Bartosh A.A. *Proxy War*. – URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-03-24/8_1182_conflict.html. (in Russian)

3. Gurbanov E.A.O., Polomoshnov A.F. *The North Caucasus in the Russian Socio-Cultural Space*. Persianovsky settlement. Don Agrarian University, 2013. – 198 p. (in Russian)

4. Dugin A.G. *Geopolitics*. – Moscow. Academic project, 2014. – 585 p. (in Russian)

5. Zhade Z.A. *Geopolitical Identity of Russia in the Context of Globalization*. Doctoral thesis: 23.00.02. – Moscow, . 2007. – URL: http://delist.ru/article/15062007_zhadeza/page9.html. (in Russian)

6. Koichuev A.A.D. To the Problem of the Study of Citizenship and Patriotism of Muslim Youth in the North Caucasus // *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2011. no. 1 (7). – Pp. 39–46. (in Russian)

7. *Confessional Composition of the Population. Religions of the Peoples of Russia*. – URL: <https://geographyofrussia.com/konfessionalnyj-sostav-naseleniya-religii-narodov-rossii/> (in Russian)

8. Kuzmin A.V., Trifonov Yu.N. Patriotism and Anti-Patriotism as Dialectical Opposites. *Bulletin of the Tambov Branch of the Russian Union of Young Researchers*. 2018. no. 10. – Pp. 150–160. (in Russian)

9. *Muslims of Russia Pray for the Participants of the Special Military Operation – the Supreme Mufti*. – URL: <https://cdum.ru/news/43/11581/> (reference date: 28.05.2023) (in Russian)

10. *Appeal of the Leaders of Muslim Religious Organizations* 16.03.2022. – URL: <https://kavtoday.ru/article/6855>. (in Russian)

11. *Appeal of the Majlis of the Central Spiritual Board of Russia*. – URL: <https://www.cdum.ru/news/44/11265/> (in Russian)

12. *On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, no. 809.* – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. (in Russian)
13. Polomoshnov A.F. Patriotic Education in the Education System // *Humanitarian Bulletin of Don State Agrarian University*. 2022. no. 4. – Pp. 178–187. (in Russian)
14. Tikhansky A. *In Ukraine, the West Is Waging a Proxy War Against Belarus and Russia.* – URL: https://eurasia.expert/zapad-na-ukraine-vedet-proksi-voynu-protiv-belarusi-i-rossii-voennyi-ekspert/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referer=google.ru (in Russian)
15. Fedoseeva I.V., Fedoseev N.S. Hybrid Warfare and Its Destructive Influence on the Personality of a Serviceman of the Armed Forces of the Russian Federation // *Special Equipment and Transport Technologies*. 2022. no. 16. – Pp. 289–299. (in Russian)
16. Khalimbekova M.Kh. The Religious Component in the Culture of Patriotism // *Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities*. 2011. no. 4 (17). – Pp. 54–58. (in Russian)
17. Yarlykapov A.A., Adiev A.Z. Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization and the Problem of “Traditionality” // *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2021. Vol. 12, no. 4. – Pp. 59–74. (in Russian)
18. Yakhyaev M.Ya., Sultanakhmedova Z.G. Institutionalization of Islamic Extremism. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2017. Vol. 8, no. 3 (33). – Pp. 5–12. (in Russian)
19. Yakhyaev M.Ya. Factors of Reproduction of Extremism and Terrorism in Modern Russia: A Comprehensive Analysis. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2016. Vol. 7, no. 3 (29). – Pp. 26–39. (in Russian)
20. Yakhyaev M.Ya. Features of Extremist Transformations of Religious Ideologies. *Religious factor and its role in the social and political sphere of society: reality and prospects. collection of materials of the 9th All-Russian scientific-practical conference.* – Makhachkala, 2022. – Pp. 161–170. (in Russian)
21. Mumford A. *Proxy Warfare.* – Cambridge: Polity Press, 2013. – 180 p.